

Содержание

Секция 19. Аспекты изучения языковой картины мира.....	2
Биккулова А.Ш. Виртуальная реальность художественного дискурса У.Фолкнера.....	2
Романенко О.В. Национальный вариант как форма существования языка.....	6
Романюк М.Ю. Невербальная коммуникация как аспект изучения языковой картины мира.....	9
Щербина В.Е. Концепт как культурно-значимая единица.....	17

Секция 19. Аспекты изучения языковой картины мира

Биккулова А.Ш. Виртуальная реальность художественного дискурса
У.Фолкнера

Оренбургский государственный университет, г.Оренбург

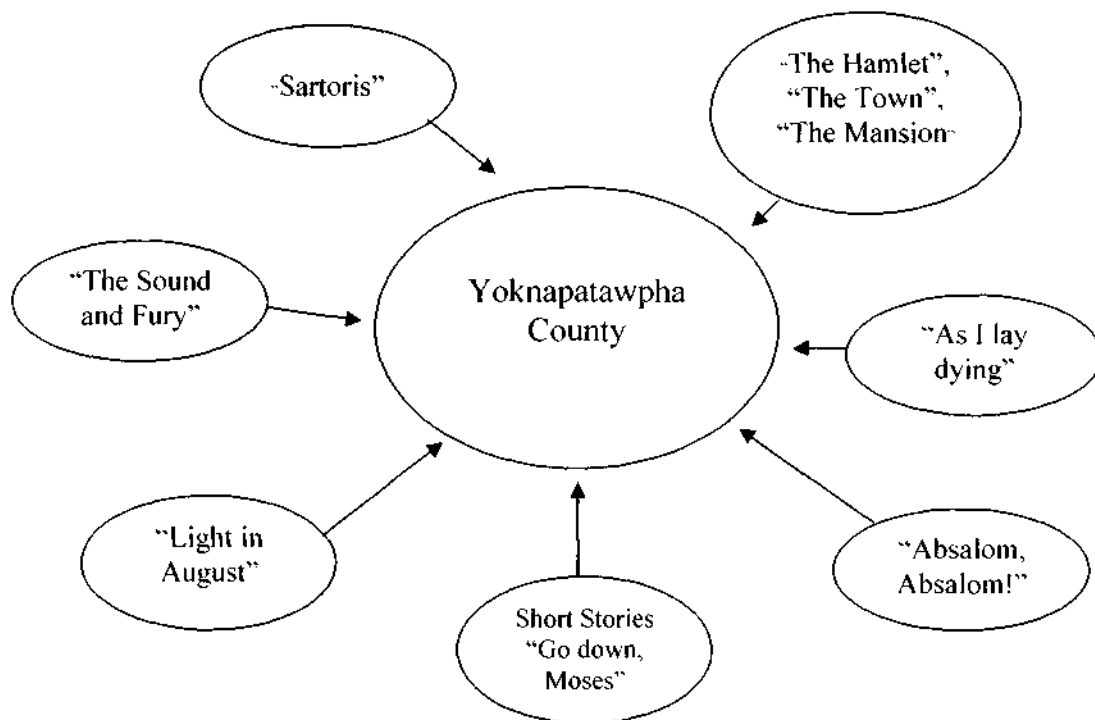
Самобытный художественный мир американского писателя У. Фолкнера характеризуется смещением временных пластов, ломкой хронологической последовательности описываемых событий, разрушением временного ряда, смещением прошлого, настоящего и будущего и погружением реального времени в мифическое.

Местом действия большинства своих романов Фолкнер избирает вымышленный округ Йокнапатофа с центром в городке Джефферсон, очень напоминающий родной городок писателя Оксфорд штата Миссисипи. Таким образом, на основе объективной реальности Фолкнер создаёт свою виртуальную действительность, что даёт писателю простор для экспериментов со временем.

Представляется интересным рассмотреть проблему реализации художественного времени в самом широком смысле литературного дискурса.

Своеобразная концепция времени Фолкнера (время не разделяет, а связывает, заставляет самые разные события сталкиваться на общей сцене повествования; не существует никакого «было» - только «есть»), завершённость и стройность его вымышленной реальности, которая строится по законам саги (в общине все знают всех и обо всем; память о событии, происшедшем сто лет назад, жива так, будто оно свершилось вчера; судьбы людей, десятилетиями живших бок о бок, неизбежно оказываются тесно переплетёнными друг с другом), а также единство места действия, повторяемость персонажей и ситуаций, позволяет нам рассмотреть художественный дискурс в широком смысле как некую совокупность новелл и повестей Фолкнера. Но это не только совокупность текстов, но и экстралингвистические факторы знания о мире, мнения, установки, цели автора), необходимые для понимания текста.

Результатом подобного подхода к художественному дискурсу может явиться **модель виртуальной реальности Фолкнера**, которая обладает всеми основными свойствами вымышленной реальности автора: порождённостью от константной (объективной) действительности (за основу был взят родной городок Фолкнера Оксфорд и его окрестности); актуальностью в рамках литературного дискурса («здесь и сейчас»); автономностью вследствие подчинения закономерностям художественного мира и задачам автора; интерактивностью в результате взаимодействия с объективной реальностью автора и читателя:

Данная виртуальная модель художественного дискурса может быть определена следующими а) **экстралингвистическими характеристиками:**

- географической или пространственной (в 15 романах Фолкнера из 19 действие происходит в штате Миссисипи, округ Иокнапатофа - «где-то в глухом уголке Юга Америки»);

- хронологической или временной (действие романов охватывает драматичную историю южного городка на протяжении 246 лет);

- узнаваемым «составом» действующих лиц (узкий круг персонажей, переходящих из одного романа в другой - Компсоны, Сарторисы, Сноупсы, Сатпен и др.);

- евангельской мифологией (композиция и символы романов «Шум и ярость», «Свет в августе», «Авессалом, Авессалом!», цикл рассказов «Сойди, Моисей»).

б) **лингвистическими характеристиками:**

- циклическим перцептуальным временем (вследствие мифологизации художественного дискурса время движется не в прогрессивной последовательности, а кругами: «человек не существует сам по себе, он - порождение собственного прошлого. Прошлое не существует как некое "было", оно перешло в "есть". Все предки человека, все его окружение присутствуют в нем в каждый отдельный момент»). Концепция Времени Фолкнера перекликается с известным рассуждением Августина: «есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Эти три времени существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего - это память; настоящее настоящего - его непосредственное созерцание; настоящее будущего - его ожидание». Именно переходом линейного времени в циклическое и наоборот объясняется

смешение простого прошедшего (Past Indefinite) и презент (Present Indefinite), используемых в качестве форм базисного времени в художественном дискурсе Фолкнера.

- сцепление временных пластов с помощью категорий ретроспекции, проспекции и когезии;

- And he sat quietly in the room which he and John had shared in the young masculine violence of their twinship, on the bed where he and his wife had lain the last nights of his leave to England (3, 33).
- It would be three hours yet before he would learn why she had sent for him because part of it, the first part of it, Quentin already knew (3, 34).
- When he was young and hasty he had kept a daybook, kept it meticulously until these hypothetical assets totaled \$10,000. But that was forty years ago, and since then he hadn't bothered with a record at all (4,20).

- смещением стилей (от юмористически-смешного до торжественно-библейского):

- Nancy was cooking for us, we [the children] could see her apron swelling out. Jesus was in the kitchen. He said it was a watermelon that Nancy had under her dress (6, 56).
- "Shut up that moaning." Luster said. "I can't make them come if they ain't coming, can I. If you don't hush up, mammy ain't going to have no birthday for you. If you don't hush, you know what I going to do (5).

c) He said: "I give you the mausoleum of all hope and desire; it's rather excruciatingly apt that you will use it to gain the reducto absurdum of all human experience which can fit your individual needs no better than it fitted his or his father's ... no battle is ever won he said. They are not even fought. The field only reveals to man his own folly and despair, and victory is an illusion of philosophers and fools" (5).

- сложными синтаксическими отношениями

Фраза у Фолкнера представляет собой многосоставный, разветвлённый период, который вбирает в себя настолько большое количество придаточных предложений, инфинитивных и причастных оборотов, что главное предложение теряется в окружении всевозможных обстоятельств, уточнений, ограничений и определений («фразы-монстры»). Местоимения намеренно не соотносятся с существительными, которые замещают, сказуемые не соотносятся с подлежащими, союзные слова далеко отстоят от определяемых слов, обороты следуют друг за другом вне всякой синтаксической связи:

He just sat as before, his hands in his trousers pockets, his shoulders hugged inward and hunched, his face lowered and he looking somehow curiously smaller than he actually was because of his actual height and spareness - that quality of

delicacy about the bones, articulation, which even at twenty still had something about it, some last echo about it, of adolescence - that is, as compared with the cherubic burliness of the other who faced him, who looked younger, whose very superiority in bulk and displacement made him look even younger, as a plump boy of twelve who outweighs the other by twenty or thirty pounds still looks younger than the boy of fourteen who had that plumpness once and lost it, sold it (whether with his consent or not) for the state of virginity which is neither boy's nor girl's. (3, 302).

- ПРИНЦИПОМ ПОТОКА СОЗНАНИЯ:

.... and he then you will remember that for you to go to harvard has been your mothers dream since you were born and no compson has ever disappointed a lady and i temporary it will be better for me for all of us and he every man is the arbiter of his own virtues but let no man prescribe for another mans wellbeing and i temporary and he was the saddest word of all there is nothing else in the world its not despair until time its not even time until it was (5).

Список литературы

1. Cleanth Brooks. William Faulner. The Yoknapatawpha Country. - Yale Univ. Press, 1995. - 467 p.
2. Thompson Lawrance. William Faulkner: An Introduction and Interpretation. - New York, Barnes & Noble, Inc., 1981, 295 p.
3. W. Faulkner "Absalom, Absalom!", М.: "Raduga", 1991. - 413 p.
4. W. Faulkner "Sartoris", New-York, 1987. - 316 p.
5. W. Faulkner "The Sound and The Fury" www.mississippj/faulkner.html
6. W. Faulkner. Stories. Go down, Moses. - The Modern Library N.Y., 1989. - 170 p.

Романенко О.В. Национальный вариант как форма существования языка

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Исследования особенностей языковых вариантов национальных языков в течение длительного времени привлекают лингвистов. Интерес, проявляемый к этой проблематике, определяется её существенным значением не только для германистики, но и в сфере таких актуальных проблем общего языкознания, как природа языка в его территориальной вариативности, соотношение между вариантами литературного языка, между ними и территориальными диалектами и другими направлениями.

Как известно, во многих случаях нет однозначного соответствия между национальным языком и государством. Один язык может быть национальным и государственным языком ряда государств. Так например, немецкий язык – национальный и одновременно государственный язык таких государств, как Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна и Люксембурга. На немецком языке говорят также в ряде примыкающих к этим территориям областей – в провинции Альто-Адидже (Южный Тироль, Италия), в Эльзасе и части Лотарингии (Франция), в районах Эпена, Мальмеди и др.. Значительные группы немецкоязычного населения проживают в США, Канаде, Бразилии, Аргентине, России, Казахстане, Польше, Румынии и других странах.

В силу различных исторических причин далеко не у всех народов процесс становления и развития национального языка в качестве единого средства устного и письменного общения оказывается завершённым. В тех странах, которые в течение длительного времени находились под колониальным господством, языки бывших метрополий (английский, испанский, французский, португальский...) продолжают использоваться либо в качестве основного, либо в качестве дополнительного средства коммуникации в общественно значимых сферах наряду с местными языками.

Одним из важнейших направлений в лингвистике стало изучение функционирования языка в тех условиях, когда тот или иной язык используется в двух или нескольких странах, т.е. несколькими самостоятельными национальными носителями.

Так, испанский язык используется в Испании и в большинстве латиноамериканских странах; английский язык в Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии, Канаде; французский - во Франции, Бельгии, части Швейцарии, является одним из государственных языков в Люксембурге, Канаде; португальский - в Португалии и Бразилии; голландский - в Нидерландах и в Бельгии (фламандский); немецкий язык используется в Германии, Австрии, на большей части территории Швейцарии, в государстве Лихтенштейн, а также является одним из государственных языков в Люксембурге; итальянский язык используется в Италии и части Швейцарии. На

сегодняшний день люди, населяющие вышеуказанные страны, имеют свой вариант произношения, который считается их национальным языком. Почти любой язык имеет различные, официально закреплённые варианты произношения.

Изучение характера литературного языка в таких условиях позволило, в частности, сформулировать концепцию национального варианта литературного языка. Её автором является российский испанист академик Г.В. Степанов. Под *национальным вариантом языка* им понимаются «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» (Степанов, 1976:100). В этом определении важно то, что национальный вариант языка «так же как и любой национальный язык, обслуживает нацию» (Степанов, 1976:102). Однако не следует путать языковой вариант с диалектом. Диалект не обладает столь объемной функцией. Он обслуживает «только часть национальной общности, при этом в ограниченной сфере общественной жизни» (Степанов, 1976:102).

Мы полностью поддерживаем такое разграничение национального варианта языка и диалекта. Действительно, вариант языка обладает более сложной внешней системой, чем диалект: помимо того, что он имеет собственный диалектный уровень, он характеризуется наличием локальной формы разговорно-литературной речи, а также имеет развитую функционально-стилистическую подсистему, которая не обязательно совпадает с подсистемой других национальных вариантов. Эти особенности внешней системы варианта, свойственные в первую очередь устной форме речи, могут найти отражение и в письменном языке, используемом в данной национальной общности. Что касается классического территориального диалекта, то он, как известно, не имеет своей письменной формы. Но, несмотря на это основное различие между национальным языком и диалектом состоит в том, что некоторые варианты языка, например английского уже начали зарекомендовывать себя как самостоятельные языки, что никогда не произойдёт с диалектной речью.

Вариантология языка является относительно молодой теорией, возникшей во второй половине XX века. Состояние системы литературного языка, когда он используется двумя или несколькими национально-государственными общностями, что является отдельным случаем вариантности, называется национальной негомогенностью языка. В целом национальные варианты характеризуются тем, что с точки зрения основного инвентаря элементов своей субстанции и структуры они оказываются едины. Единство такого национально негомогенного языка, однако, не предполагает их обязательного тождества, так как, пишет Д. Брозович, «было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями» (Брозович, 1967:17).

Неидентичность языка при наличии двух или более национальных носителей привела языковедение к признанию вариативности такого языка, что, в

свою очередь, выявило необходимость определения этой системы как национальных вариантов языка. Интерпретация языковых вариантов одного языка как систем, обладающих устойчивостью и перспективой, несомненно, является значительным достижением российской и зарубежной лингвистики последних 40-45 лет. Ведь еще в начале 50-х гг. Э.Г. Ризель, например, при рассмотрении национальных особенностей немецкого литературного языка в Австрии и Швейцарии считала эти особенности элементами, находящимися на различных ступенях их внедрения в общую единую норму, т.е. практически рассматривала их как территориальные дублеты (Ризель, 1953:163). С другой стороны, негомогенность национальных вариантов языка подтолкнула ряд лингвистов к рассуждениям о существовании самостоятельных языков. Ярким примером тому является концепция Г.Л. Менкена, рассматривавшего американский вариант английского литературного языка как самостоятельный, независимый «американский язык» (Mencken, 1957). В испанистике неоднократно предпринимались попытки рассмотрения аргентинского варианта испанского языка как самостоятельного аргентинского языка (Cambours Ocampo, 1983).

В начале 60-х гг. ведущими советскими лингвистами были сформулированы основные положения о национально негомогенном языке как о системе его национальных вариантов. Этому способствовали также некоторые более ранние высказывания и оценки, сделанные А.И. Смирницким, Э.Г. Ризель и др. Следует особо отметить вклад в решение этой проблемы Г.В. Степанова, А.Д. Швейцера, В.Г. Гака, Е.А. Реферовской, М.А. Бородиной, А.И. Домашнева, Д. Брозовича и др. Резюмируя развёрнутую характеристику национальных вариантов языков, данную Г.В. Степановым, можно сказать, что национальным вариантом языка является форма приспособления единого литературного языка, как к традиции, так и к современным потребностям нации, то есть национальный вариант является особой формой функционирования единого языка.

Необходимо отметить, что важной стороной признания суверенности национального варианта литературного языка является его фиксация, то есть выявление и кодификация национальной нормы литературного языка, и, прежде всего путем лексикографического отражения состояния нормы данного литературного языка в условиях данного социума.

В отечественной лингвистике благодаря трудам Г.В. Степанова, А.И. Домашнева, А. Д. Швейцера и ряда других учёных установилась твёрдая точка зрения, что национальные варианты полинациональных языков являются подсистемами более высокого ранга по сравнению с диалектами.

Романюк М.Ю. Невербальная коммуникация как аспект изучения языковой картины мира

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Специалистами по общению подсчитано, что современный человек произносит за день около 30 тысяч слов или примерно 3 тысячи слов в час. Речевое общение, как правило, сопровождается несловесными действиями, помогающими понять и осмыслить речевой текст. Эффективность любых коммуникационных контактов определяется не только тем, насколько понятны собеседникам слова и другие элементы вербальной коммуникации, но и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, то есть взгляд партнера, его мимику и жесты, телодвижения, позу, дистанцию, темп и тембр речи. Ведь даже если язык является самым эффективным и продуктивным инструментом человеческого общения, все же он не является единственным инструментом.

Ученые установили, что с помощью языка мы передаем не более 35% информации своим собеседникам. Наряду с языком существует довольно большое число способов общения, которые также служат средством сообщения информации, и эти формы общения ученые объединили понятием «невербальная коммуникация». Жесты, мимика, позы, одежда, прически, окружающие нас пред. меты, привычные для нас действия — все они представляет собой определенный вид сообщений, получивших название невербальных сообщений, то есть происходящих без использования слов. На их долю приходится оставшиеся 65% информации, передающейся в процессе коммуникации.

Невербальная коммуникация представляет собой обмен невербальными сообщениями между людьми, а также их интерпретацию. Она возможна потому, что за всеми этими знаками и символами в каждой культуре закреплено определенное значение, понятное окружающим.

Невербальные сообщения способны передавать обширную информацию. Прежде всего, это информация о личности коммуникатора. Мы можем узнать о его темпераменте, эмоциональной состоянии в момент коммуникации, выяснить его личностные свойства и качества, коммуникативную компетентность, социальный статус, получить представление о его лице и самомнении. Также через невербальные средства мы узнаем об отношении коммуникантов друг к другу, их близости или отдаленности, типе их отношений, а также динамике их взаимоотношений. И наконец, это информация об отношениях участников коммуникации к самой ситуации: насколько они комфортно чувствуют себя в ней, интересно ли им общение или они хотят поскорее выйти из нее.

В процессе межкультурной коммуникации невербальное общение является ее составной частью и взаимосвязано с вербальным общением. Элементы вербальной и невербальной коммуникации могут дополнять,

опровергать и замещать друг друга.

Невербальное общение может дополнять вербальное сообщение: если вы улыбаетесь и говорите: «Привет, как дела?», то эти два действия дополняют друг друга.

Невербальное поведение может противоречить вербальным сообщениям: если вы не смотрите в глаза своему собеседнику и говорите: «С вами очень приятно беседовать», то такое невербальное действие опровергает ваше позитивное вербальное сообщение.

Невербальные поступки могут заменять вербальные сообщения. Ребенок может указать на игрушку вместо того, чтобы сказать: «хочу эту игрушку».

Невербальные действия могут служить регуляторами вербального общения. Регулирование представляет собой использование невербальных знаков для координации взаимодействия между людьми. Например, по кивку головы, взгляду, по интонации или наклону туловища мы можем понять, что пришла наша очередь вступить в разговор.

Невербальное действие может повторять вербальное сообщение: просьба говорить тише, сопровождаемая приложением указательного пальца к губам.

Специфика невербальной коммуникации

Невербальные сообщения всегда ситуативны, по ним можно понять нынешнее состояние участников коммуникации, но нельзя получить информацию об отсутствующих предметах или происшедших в другом месте явлениях, что можно сделать в вербальном сообщении.

Невербальные сообщения являются синтетическими, их с трудом можно разложить на отдельные составляющие. Вербальные элементы коммуникации (слова, предложения, фразы) четко отделены друг от друга.

Невербальные сообщения обычно произвольны и спонтанны. Даже если люди хотят скрыть свои намерения, они могут хотеть контролировать свою речь, но невербальное поведение контролю практически не поддается. Поэтому очень часто в реальной тактике коммуникации возникают ошибки из-за обобщения на основании лишь одного невербального действия.

Невербальный язык люди, как правило, успешно осваивают сами в естественных условиях через наблюдение, копирование, подражание, а говорить детей учат специально, этому уделяет внимание и семья, и социальные институты. Так, когда мы замечаем неискренность собеседника, мы зачастую ссылаемся на свою интуицию, говорим о шестом чувстве. На самом деле распознать собеседника нам позволяет внимание, часто неосознанное, к мелким невербальным сигналам, умение их читать и отмечать несовпадения со словами.

Таким образом, невербальная коммуникация представляет собой многомерный, многослойный, аналоговый процесс, протекающий в основном неосознанно.

Физиологические и культурно-специфические основы невербальной коммуникации.

Люди зафиксировали довольно много правил невербального общения у животных и птиц: танцы журавлей, пение птиц. Но животные обучаются этим правилам только через имитацию, а человек приобретает их и в ходе процессов инкультурации и социализации. Некоторые нормы невербальной коммуникации имеют общенациональный или этнический характер (в Европе обычно здороваются, пожимая руку, а в Индии складывают обе руки перед грудью и делают небольшой поклон), другие — узкопрофессиональную область применения (сигналы, которыми обмениваются водолазы или грузчики).

Двойная природа невербальной коммуникации объясняет наличие универсальных, понятных всем знаков, а также специфических сигналов, используемых в рамках только одной культуры-

На основе признаков намеренности (ненамеренности) невербальной коммуникации можно выделить три типа невербальных средств:

- 1) поведенческие знаки, обусловленные физиологическими реакциями;
- 2) ненамеренные знаки, употребление которых связано с привычками человека;
- 3) собственно коммуникативные знаки.

Использование в коммуникации невербальных средств происходит в основном спонтанно. Это обусловлено как низшими уровнями центральной нервной системы, так и высшими, отвечающими за коммуникацию. Разумеется, в какой-то степени невербальные элементы поддаются контролю, но даже при очень хорошем самообладании может произойти «утечка» информации.

Невербальные элементы коммуникации

Рассмотрение элементов невербальной коммуникации помогает лучше понять способы, с помощью которых выражается межкультурный смысл общения. В этом отношении важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с помощью всех органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния, каждый из которых образует свой канал коммуникации. На основе слуха возникает акустический канал невербальной коммуникации, по нему поступает паравербальная информация. На основе зрения складывается оптический канал, по которому поступает информация о мимике и телодвижениях (кинесике) человека. Оно позволяет оценить позу и пространственную ориентацию коммуникации (проксемику). На основе осязания работает тактильный канал, на основе обоняния — ольфакторный. К невербалике также относят понимание и использование времени — хронемикю. Все элементы невербальной коммуникации тесно связаны друг с другом, они могут взаимно дополнять друг друга и вступать в противоречие друг с другом.

Кинесика представляет собой совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения. Кин — мельчайшая единица движения. Элементами кинесики являются жесты, мимика, позы и взгляды, которые имеют как физиологическое происхождение, так и социокультурное.

Жесты — это различного рода движения тела, рук или кистей рук, сопровождающие в процессе коммуникации речь человека и выражающие отношение человека непосредственно к собеседнику к какому-то событию, другому лицу, какому-либо предмету, свидетельствующие о желаниях и состоянии человека. Жесты могут быть произвольными и непроизвольными, культурно обусловленными и физиологичными. Их можно классифицировать следующим образом:

- Иллюстраторы.

- Конвенциональные жесты - могут быть прямо переведены в слова, употребляются сознательно и являются условными движениями. Часто широко используют вместо слов, которые неловко высказать вслух.

- Модальные жесты — выражают эмоциональное состояние человека, его оценку окружающего, отношение к предметам и людям, сигнализируют об изменении активности субъекта в ходе коммуникации.

- Жесты, используемые в различных ритуалах.

Мимика представляет собой все изменения выражения лица человека, которые можно наблюдать в процессе общения. Она является важнейшим элементом невербальной коммуникации.

Решающим фактором при этом являются культурные традиции. Если в соответствии с нормами европейской культуры мужчина не должен публично проявлять страх, открыто плакать, ему придется сдерживать свои эмоции, иначе будет осужден общественным мнением. Существуют ситуации, когда мы должны маскировать свои эмоции: ревность, разочарование и др.

Окулистика — использование движения глаз или контакт глазами в процессе коммуникации. С помощью глаз также можно развить богатую гамму человеческих чувств и эмоций. Например, визуальный контакт может обозначать начало разговора, в процессе беседы он является знаком внимания, поддержки или, напротив, прекращения общения, он также может указывать на окончание реплики или беседы в целом. Специалисты часто сравнивают взгляд с прикосновением, он психологически сокращает дистанцию между людьми. Поэтому длительный взгляд (особенно между представителями противоположного пола) может быть признаком заинтересованности. Вместе с тем часто такой взгляд вызывает беспокойство, страх и раздражение. Прямой взгляд может восприниматься и как угроза, стремление доминировать. Исследования проблем окулистики показали, что человек способен воспринимать чужой взгляд без дискомфорта не более трех секунд. Как и прочие элементы невербальной коммуникации, «поведение глаз» отличается в разных культурах и может стать причиной непонимания в межкультурной коммуникации. Например, если в США белый преподаватель делает замечание черному студенту и он в ответ опускает глаза, вместо того, чтобы прямо смотреть на преподавателя, тот может разозлиться. Дело в том, что черные американцы рассматривают опущенный взгляд как проявление уважения, а белые американцы расценивают как знак уважения и внимания прямой взгляд.

Камбоджийцы считают, что встретить взгляд другого человека

является оскорблением, так как это означает вторжение в их внутренний мир. Овести глаза здесь считается признаком хорошего тона.

Существенным аспектом кинезиса является поза — положение человеческого тела и движения, которые принимает человек в процессе коммуникации. Это одна из наименее подконтрольных сознанию форм невербального поведения, поэтому при наблюдении за ней можно получить значимую информацию о состоянии человека. По позе можно судить, напряжен человек или раскован, настроен на беседу или хочет поскорее уйти. Известно около 1000 различных устойчивых положений, которые способно принимать человеческое тело. В коммуникативистике при общении принято выделять три группы поз:

- Включение или исключение из ситуации (открытость или закрытость для контакта). Закрытость достигается скрещиванием на груди рук сплетенными в замок пальцами, фиксирующими колени в позе «нога на ногу», отклонение спины назад и др. При готовности к общению человек улыбается, голова и тело повернуты к партнеру, туловище наклонено вперед.

- Доминирование или зависимость. Доминирование проявляется в «нависании» над партнером, похлопывании его по плечу, руке на плече собеседника. Зависимость — взгляд снизу вверх, сутулость.

- Противостояние или гармония. Противостояние проявляется в следующей позе: сжатые кулаки, выставленное вперед плечо, руки на боках. Гармоничная поза всегда синхронизирована с позой партнера, открыта и свободна.

Как и другие элементы кинезиса, позы различаются не только в разных культурах, но и в рамках одной культуры в социальных и половозрастных группах. Так, почти все западные люди сидят на стуле, положив ногу на ногу. Но если этот человек, находясь в Таиланде, сядет так и направит свою ногу на тайца, тот почувствует себя униженным и обиженным. Дело в том, что тайцы считают ногу самой неприятной и низкой частью тела. Если североамериканский студент может сидеть перед профессором так, как ему удобно, в африканских и азиатских культурах это сочтут за отсутствие уважения и почтительности.

С позой тесно связана походка человека. Ее характер указывает как на физическое самочувствие и возраст человека, так и на его эмоциональное состояние. Важнейшими факторами походки человека являются ритм, скорость, длина шага, степень напряженности, положение верхней части туловища и головы, сопроводительные движения рук, положение носков ноги. Эти параметры формируют разные типы походки — ровной, плавной, уверенной, твердой, тяжелой, виноватой и др. Походка с резко выпрямленной верхней частью туловища производит впечатление гордого вышагивания (как на ходулях) и выражает надменность и высокомерие. Ритмичная походка, как правило, является свидетельством воодушевленного и радостного настроения человека. Походка размашистыми, большими шагами является выражением целеустремленности, предприимчивости и усердия ее владельца. Если при ходьбе раскачивается верхняя часть туловища и активно двигаются руки, то

это служит верным признаком того, что человек находится во власти своих переживаний и не желает поддаваться чьему-либо влиянию. Короткие и мелкие шаги показывают, что человек с такой походкой держит себя в руках, демонстрируя осторожность, расчетливость и в то же время изворотливость. И, наконец, волочащаяся, медленная походка говорит или о плохом настроении или об отсутствии заинтересованности; люди с такой походкой чаще всего ершисты, не обладают достаточной дисциплиной.

Последним элементом кинесики является манера одеваться, которая целиком обусловлена спецификой той или иной культуры. Иногда по одежде мы узнаем о событиях в жизни человека (свадьба, похороны). Форменная одежда указывает на профессию ее владельца. Так, человек в полицейской форме уже одним своим присутствием может призвать к порядку. Одежда может выделить человека, сфокусировав на нем внимание, а может помочь затеряться в толпе. Если девушка желает произвести впечатление или установить с кем-то отношения, то она надевает свое лучшее платье. Если при этом она оденется неряшливо, то, вероятнее всего, не сможет достигнуть необходимого общения.

Тактильное поведение.

Сложилось особое научное направление, изучающее значение и роль прикосновений при общении, которое получило название такесики. Люди прикасаются друг к другу по разным причинам, разными способами и в разных местах. Ученые, изучающие тактильное поведение людей, считают, что в зависимости от цели и характера прикосновения можно разделить на следующие типы:

- профессиональные — они носят безличный характер, человек при этом воспринимается только как объект общения (осмотр врача);
- ритуальные — рукопожатия, дипломатические поцелуи;
- дружеские;
- любовные.

Как утверждают результаты исследований различных культур, в одних из них прикосновение очень распространено, а в других оно совсем отсутствует. Культуры, принадлежащие к первому типу, получили название контактных, а ко второму — дистантных. К контактным культурам принадлежат латиноамериканские, восточные, южно-европейские культуры. Так, арабы, евреи, жители Восточной Европы и средиземноморских стран используют прикосновения при общении довольно активно. В противоположность им североамериканцы, азиаты и жители Северной Европы принадлежат к низкоконтактным культурам. Представители этих культур предпочитают находиться при общении на расстоянии от собеседника, причем азиаты используют большую дистанцию, нежели североамериканцы и североевропейцы. Немцы, англичане и Другие англосаксонские народы считаются людьми, которые редко пользуются прикосновениями при общении. Исследования тактильного поведения немцев, итальянцев и североамериканцев подтвердили, что принадлежность к контактной или дистантной культуре зависит также и от личности человека и

его половой принадлежности. В азиатских культурах через прикосновение передаются, кроме прочего, также чувства патронирования и превосходства. Прикосновение к плечу или спине в них означает дружбу. В арабских и некоторых восточно-европейских странах выражение дружеских чувств происходит в форме крепких объятий. Среди мусульман объятия являются выражением мусульманского братства, впрочем, в тактильной коммуникации есть и свои запреты: в азиатских культурах, например, нельзя прикасаться к голове собеседника, что рассматривается как обида. Поэтому, в азиатских культурах учителя зачастую бьют учеников по голове, и ученики воспринимают это как обидное наказание.

Сенсорика .

Сенсорика представляет собой тип невербальной коммуникации, основывающийся на чувственном восприятии представителя других культур. Наряду со всеми другими сторонами невербальной коммуникации отношение к партнеру формируется на основе ощущений органов чувств человека. В зависимости от того, как мы чувствуем запахи, ощущаем вкус, воспринимаем цветовые и звуковые сочетания, ощущаем тепло тела собеседника, мы строим наше общение с этим собеседником. Эти коммуникативные функции человеческих органов чувств позволяют считать их инструментами невербальной коммуникации. Особенно большое значение в общении имеют запахи. Это, прежде всего, запахи тела и используемой человеком косметики. Мы можем отказаться от общения с человеком, если сочтем, что от него плохо пахнет. Особенности национальной кухни также сильно различаются у разных народов. Цветовые сочетания, используемые в разных культурах, тоже сильно варьируются. Нам могут не нравиться эти сочетания, узоры, они могут казаться слишком яркими или чересчур блеклыми. Слуховые предпочтения также зависят от конкретной культуры. Именно поэтому так сильно отличается музыка у разных народов.

Хронемика.

Хронемика — это использование времени в невербальном коммуникационном процессе. Для общения время является не менее важным фактором чем слова, жесты, позы и дистанции. Восприятие и использование времени является частью невербального общения и весьма существенно отличается в разных культурах. Исследования хронемики различных культур позволяют выделить две основные модели использования времени: монохронную и полихронную.

При монохронной модели время представляется в виде дороги или длинной ленты, разделенной на сегменты. Это разделение времени на части приводит к тому, что человек в данной культуре предпочитает одновременно заниматься только одним делом, а также разделяет время для дела и для эмоциональных контактов. В полихронной модели нет такого строгого расписания, человек там может заниматься несколькими делами сразу. Время здесь воспринимается в виде пересекающихся спиральных траекторий или в виде круга. Крайним случаем являются культуры, в языке которых вообще нет слов, относящихся ко времени (например, североамериканских индейцев).

Если в монохронной культуре время постоянно отслеживается, считается, что время — деньги, в полихронной культуре такой необходимости нет, о точном использовании времени даже не задумываются.

Хронемика также изучает ритм, движение и расчет времени в культуре. Так, в крупных городах мы должны идти по улицам быстрее, чем в маленьких деревушках.

Разные культуры используют формальные и неформальные виды времени. Неформальное время связано с неопределенным отсчетом: «через некоторое время», «позже», «во второй половине дня» и т.д. Формальное время, напротив, отсчитывает время очень точно: «к двум часам», «завтра в 15.30» и т.д. Одной из наиболее частых помех в межкультурной коммуникации является ситуация, когда один собеседник оперирует формальным временем, а его оппонент, принадлежащий к другой культуре, — неформальным. Первый приходит на встречу к двум часам дня, а другой — примерно во второй половине дня, если приходит вообще.

Щербина В.Е. Концепт как культурно-значимая единица

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Соотношение языка, культуры и мышления - один из наиболее сложных вопросов как философии, так и языкознания. Мы не ставим своей задачей решить проблему первичности, вторичности этих феноменов, равно как и вывести единое, всеобъемлющее определение столь сложного понятия как культура, которое имеет в научной литературе более 500 определений. Мы, вслед за Т.З. Тер-Минасовой, принимаем как данность существование несомненной тесной взаимосвязи языка и мышления и их соотношения с культурой и действительностью [Тер-Минасова 2000: 213], и выделим лишь некоторые взгляды, которые помогут дополнить и конкретизировать теории, на которые мы опираемся в интерпретации понятия «концепт», и выявить национально-культурную специфику как в характере информации об окружающей действительности, структурируемой концептом, так и в том, как он это делает.

Культура в различных своих проявлениях изучается целым комплексом наук – от философии, этики, эстетики, культурологии, социологии до семиотики и биологии. Каждая из них рассматривает культуру под углом зрения предмета и методов своего исследования. Но, не смотря на многообразие трактовок, однозначным остается то, что культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей, ибо именно деятельность человека породила новую «сверхприродную» среду обитания – четвертую форму бытия – культуру [Каган 1996: 94]. Напомним, что три формы бытия – это «природа – общество - человек». Отсюда вытекает, что культура – мир человеческой деятельности, т.е. мир артефактов (от латинского *arte* – искусственный и *factus* – сделанный), это преобразование человеком природы по законам общества. Эту искусственную среду А.Я. Гуревич назвал «второй природой». Нормы культуры не наследуются генетически, а усваиваются через научение, поэтому овладение национальной культурой требует серьезных интеллектуальных и волевых усилий.

Общепринятым можно считать и разграничение двух форм культуры – материальной и духовной, хотя и между ними существуют постоянные взаимопереходы: предметы материальной культуры могут обретать, по словам В.Н. Телия, «духовную оснастку», а духовные артефакты воплощаться в материальную форму, ибо именно человек – мера всех вещей и поэтому он, по словам В.Н. Топорова, определяет «человекообразность вещи», а «когда вещь приобретает и символическое значение... или употребляется прежде всего как символ (крест, венок, знамя, другие материализованные и включенные в парадигму знаки), мир вещей переключается к сфере духовного и человеческого как особый язык и симболярий» [Топоров 1995: 28 - 29].

По мнению Э.Сепира, слово «культура» употребляется в трех основных значениях или группах значений. В первом из них под культурой понимается передаваемый из поколения в поколение материальный и духовный элементы

жизни человеческого общества. Во втором значении культура соотносится с общепринятым идеалом индивидуального совершенствования, основанного на усвоении определенного набора типичных и традиционных реакций. Наконец, в третьем, наиболее сложном и абстрактном значении культура определяется автором как термин, охватывающий то общее восприятие, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, благодаря которым тот или иной народ занимает свое собственное место в мире.

Р. Кронер определяет культуру как творческую созидательную деятельность, направленную на преобразование природы и общества, результатом которой является пополнение материальных и духовных ценностей [Кронер 1995: 256]. Данное определение согласуется с принятым в когнитивной антропологии пониманием культуры как системы знаний, воплощенных в некоторые мыслительные категории, формы организации поведения и эмоций людей.

Таким образом, учитывая многоаспектность явления «культура» и когнитивную направленность данной работы, мы понимаем национальную культуру как национальное сознание, осуществляющее себя во всех сферах бытия народа, носителя этой культуры - в науке, экономике, политике, искусстве и религии и воплощенные в системе мыслительных категорий - концептов, составляющих формы организации поведения и эмоций представителей данного национально-культурного сообщества.

Концепт занимает в системе «культура» центральное место: это культурно-значимая единица, отражающая национально-специфическую информацию. Он представляет собой микросистему, несущую на себе отпечаток целого [Карасик 2001: 3-16]. Высказывается предположение, «что концепт - микромодель культуры, а культура - микромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею».

Концепт – это вербализованный культурный смысл. Он является семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет в свою очередь двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена [Телия 2004: 145]. Определяющим в понимании концепта выступает, по мнению Кассирера, представление о культуре как о «символической Вселенной», конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» обязательно этноспецифичны. Из этого следует, что ведущим отличительным признаком лингвоконцепта является его этнокультурная отмеченность. В то же время язык в лингвокультурологии – не только и не столько инструмент постижения культуры, он составная ее часть, «одна из ее ипостасей» [Толстой 1997: 98]. Собственно говоря, внимание к языковому «телу» концепта и отличает его культурологическое понимание от всех прочих: через свое «имя», совпадающее, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, лингвоконцепт включается в лексическую систему конкретного естественного языка, а его место в последней определяет контуры его «значимостной составляющей».

Среди выполняемых культурой многочисленных ролей ученые выделяют

инструментальную, нормативную, сигнификативную, коммуникативную, этническую. Три последние функции культуры позволяют утверждать, что «факт культурной жизни образует концепт» [Степанов 1997: 42]. А «концепт — это ... то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40]. Культура - как субстанция, «пронизывает» человека, но «не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, - нет, это «пронизыва-ние» более определенное и структурированное: оно существует в виде ментальных образований - концептов. Концепты - как бы сгустки культурной среды в сознании человека» [там же].

В культурологии предлагается следующая схема вхождения концепта в систему «культура»: Производитель (и концепты производства) ↔ Концепт как продукт ↔ Потребитель и концепты восприятия. Как видим, эта схема отражает наличие прямых и обратных связей в системе. Отсюда следует, что концепт всегда вовлечен в коммуникативную ситуацию, а потому он «динамичен, нестабилен, текуч». Лишь в диалоге, благодаря действию прямых и обратных связей в системе «культура», концепт становится «генератором смыслов». Концепты, рассматриваемые в контексте культуры, представляют собой: 1) знаки; 2) смыслы, заключающие в себе не столько обозначение денотатов, сколько их имена, значимые для процессов коммуникации. «Концепты — своего рода «сценарии культуры, в которых слово и жест, речь и невербальное поведение ... соединяются в неразрывное целое». На основании этого концепт «время» можно тоже представить как определенный сценарий культуры, где как единое целое представлено отношение носителей языка к этой общечеловеческой категории: их пунктуальность, рациональное использование времени или бесцельное его прохождение.

Задаваясь вопросом о том, в какой мере концепты существуют для людей данной культуры, Ю.С. Степанов формулирует исходную гипотезу, которая, по сути, созвучна идеям о ближайшем и дальнейшем значении (по А.А. Потебне), о концепте-минимум и концепте-максимум (по А. Вежбиц-кой), о ядре, периферии и интерпретационном поле концепта (А. И. Стернин, З.Д. Попова): «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [Степанов 1997: 44-45]. Ю.С. Степанов выделяет три слоя в структуре концепта: 1) актуальный слой; 2) дополнительный, пассивный слой; 3) этимологический слой.

В актуальном слое концепт существует как средство коммуникации для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры). Именно этот слой включает концепт в структуры общения и в мыслительные категоризации, связанные с коммуникацией. В дополнительном слое содержатся так называемые «пассивные» компоненты содержания концепта, которые актуальны лишь для некоторых групп носителей языка.

Говоря о концептах как об элементах культуры, Ю.С. Степанов считает необходимо учитывать и диахронный аспект. Третий «слой» концепта — его этимология - открывается «лишь исследователям и исследователями». Но это не значит, что для рядовых носителей языка этот слой содержания концепта

вообще не существует. «Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения» [Степанов 1997: 45].

Эта часть концепта оказывается самой объемной, многомерной; чтобы реконструировать ее, необходимо исследовать 1) исторический слой, 2) ментальную схему, в виде которой существует концепт в сознании носителя языка, 3) мотивированность именованного концепта в языке культуры.

Исторический слой концепта содержит информацию о внеязыковых факторах: о духовных, социальных, бытовых стимулах формирования концепта. Эта информация отражает национально-культурные предпосылки возникновения, развития и трансформации концепта в культурном континууме.

Ментальная схема отражает коллективное представление об артефакте, формирующем концепт. Ю.С. Степанов выделяет концепты с «плотным ядром» и «рамочные» концепты (ср. «фреймы»), причем к последнему типу, как правило, относятся концепты, сформировавшиеся на базе того или иного общественного явления.

Мотивированность именованного концепта может быть выявлена во взаимосвязи с культурой и содержанием когнитивного пространства данного языкового коллектива. Для выявления мотивированности именованного конкретного концепта данной языковой единицей необходимо провести семантический анализ, т.е. подвергнуть анализу толкования основной репрезентации концепта в различных толковых словарях; к словарным материалам могут быть добавлены примеры из разнообразных текстов, которые позволяют иногда скорректировать словарные толкования основной репрезентации, являющейся именем концепта; проводится диахронный анализ с привлечением этимологических данных, сведений о развитии и становлении значения «ключевой» языковой единицы. В дополнение к этому, анализируется синонимический ряд основной языковой репрезентации концепта, что позволяет установить и акцентировать дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении основной репрезентации с близкими по значению словами.

Разработанный Ю.С. Степановым метод структурного исследования концепта, учитывающий как синхронный, так и диахронный аспекты, служит надежной методологической базой для исследования стадий формирования культурно-значимых концептов, вследствие чего данный метод снискал множество последователей, по-своему интерпретирующих и прилагающих его к исследуемым концептам [см. Токарев 2000: 16-21 и др.]. Так, Г.В. Токарев выделяет следующие слои в структуре концепта: универсальный, национальный, групповой и/или личностный [Токарев 2000: 17].

Данная классификация слоев концепта, допускающая наличие в структуре концепта как универсальной, «наднациональной», так и национально-специфической долей представляется нам оправданной по следующим причинам. В универсальный слой концепта входят кванты знаний, общие для всего человечества. Интенсивные культурные связи и контакты, возникающие в процессе экономического, политического и научного сотрудничества нескольких стран, приводят к «некоей унификации окружающей действитель-

ности» и, как следствие, к почти одновременному появлению в нескольких культурах «интернационального» понятия, на базе которого формируются концепты со «следами» определенной культуры. «Интернационализмами для какого-либо языка могут быть лексические и фразеологические единицы этого же языка, если культура, обслуживаемая этим языком, создала такие ментальные конструкторы и институты, которые перенимаются другими культурами». Наряду с «интернациональными» понятиями всегда существуют национально-специфические, в которых отражается все своеобразие мировидения и миропонимания народа.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда национально обусловлено [Леонтьев 1961: 20]. Этносоциокультурный фактор выявляется, в частности, в национально-этнических особенностях способа формирования мысли.

Как уже подчеркивалось, концепт, по мнению А. Вежбицкой и Р.М. Фрумкиной, - это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно обусловленное представление человека о мире «Действительность» [Фрумкина 1995: 90]. Будучи единицей коммуникации, концепт возникает в диалоге, между «стимулом» и «реакцией», порождая все новые «неготовые» и «текущие» смысловые образования.

Связь языка и культуры является постулатом в современной науке. Общеизвестно, что язык и культура теснейшим, неразрывным образом связаны между собой, из существования одного с необходимостью следует существование другого. "Отношение языка к культуре, - утверждает У. Гуденоу, - есть отношение части к целому. Теория и методы, применимые для одного явления, должны находить применение и для другого". По мнению Е.Ф. Тарасова, язык и культура связаны на основе их онтологической общности [Тарасов 1994: 47]. Как утверждает Н.И. Толстой, "коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки [Толстой 1982: 402]. По словам В.В. Воробьева "язык, с одной стороны, и духовная, и материальная культура, с другой - оказываются соотносительными и неразрывно связанными. При этом первый является национальной формой выражения и воплощения второй". В определении В.А. Масловой "язык - составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры" [Маслова 1997: 37].

К разряду аксиоматических положений относится также то, что язык и культура оказывают взаимное воздействие друг на друга, образуя сложную двухкомпонентную диалектическую систему. С одной стороны, язык подвержен влиянию культуры в силу того, что он является ее основным орудием, важнейшим средством ее отражения, фиксации и трансляции. Будучи динамическим образованием, культура, развиваясь, стремится отразить в языке различные изменения, происходящие в социальной среде обитания и общественном сознании. С другой стороны, язык, как известно, выступает как необходимая предпосылка самого формирования культуры и в определенной степени оказывает влияние на ее последующее развитие. Благодаря свойству внутренней устойчивости языка отраженная в нем

система концептуализации мира служит своеобразным ориентиром, стабилизирующим направленность культурного развития. Тем самым язык в какой-то мере играет роль ограничивающего фактора по отношению к культуре, поскольку он стремится к сокращению "степеней свободы" ее поступательного движения. «То, что культура «включена» в язык — факт неоспоримый: язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [Телия, 1996: 84-85]. «Каждое слово, каждое языковое выражение имеет культурное измерение ... Говорящие на одном языке используют не только один и тот же словарный запас и языковые структуры, они разделяют единое восприятие окружающего мира, репрезентируемое словами и языковыми структурами» [Hoijer 1971: 554]. Очевидно, что лингвистическое описание концепта не возможно без учета культурного аспекта.

Еще Л.В. Щерба указывал на то, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой единство с точки зрения культуры... Более того, известно, что слова разных языков, даже для более или менее тождественных понятий, часто бывают различны по своим вторичным ассоциациям... Даже самые простые слова могут, обозначая один и тот же предмет, быть различными только потому, что они принадлежат к разным языкам, один из которых менее привычен, чем другой» [Телия, 1996: 84-85].

Национально-культурная специфика именованных концептов вскрывается в явлениях, принадлежащих одновременно и языку и культуре. Как установлено, этноспецифичность – совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц (языковая концептуализация) – в различных культурах различна, однако одной лишь специфики способа представления семантики имени концептуализуемого смысла для квалификации его как лингвоконцепта, очевидно, недостаточно: языковые и культурные особенности здесь в значительной мере случайны и не отражают национально-культурного своеобразия семантики, и далеко не все различия во внутренней форме отдельных лексических единиц должны осмысливаться как концептологически значимые. Этноспецифичность, в первую очередь, усматривается в культурно значимой стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике этого имени [Телия 1996: 76]. В качестве этноспецифичного может также приниматься признак, положенный в основу номинации – внутренняя форма имени.

Национально-культурная специфика концепта, по словам Н.Д. Арутюновой, обусловлена тем, что концепт принадлежит области практической (обыденной) философии и является результатом взаимодействия культурологических факторов, к которым относятся национальная традиция,

фольклор, религия, идеология, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1987: 65]. Концепт, являясь ментальной сущностью, входит в когнитивную базу носителей языка и в этом смысле соотносится с фреймом, сценарием. Понимание концепта как ментальной сущности отражает природу данного образования, соотношенного с отражением в человеческом опыте информационных структур. С другой стороны, концепт является частью культурного фона данного лингвокультурного сообщества.

Национальная специфика культурного концепта проявляется в нескольких возможных аспектах. Два из них выделены З.Д. Поповой и И.А. Стерниним: национальные различия в содержании близких концептов и наличие несовпадающих, сугубо национальных концептов [Попова, Стернин 2003: 17]. Может различаться номенклатура концептов вследствие различных условий жизни и деятельности лингвокультурного сообщества. Кроме этого, необходимо добавить, что национальная специфика концепта может быть обусловлена различной степенью концептуализации, что выражается в «концептуальной истории» языковой единицы.

Предложенный в данной работе когнитивный обзор особенностей немецких и русских фразеологизмов позволяет предположить, что когнитивный подход к исследованию фразеологизмов со значением «время» в немецком и русском языках, реализующего существенные особенности немецкой и русской картин мира, способен не только помочь точнее постичь содержательные глубины языка и в итоге адекватнее изучить его, но также глубже и тоньше познать окружающую действительность, так как «язык ничего не придумывает, а выражает глубинные смыслы бытия».

Список использованной литературы:

- Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н.Д. Арутюнова. // ВЯ – 1987. - № 3. – с. 46 – 51.
- Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. № 4. – С. 42 – 73.
- Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки № 4. М., 2005. – С. 76 – 83.
- Воробьев В.А. Лингвокультурология (теория и методы): монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
- Гуревич А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990. С. 78 – 84.
- Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1996. – 416 с.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. – с. 32-37.
- Леонтьев А.Н. Человек и культура. – М.: 1961. – 183 с. Маслова В.А. Введение

- в лингвокультурологии.: Учебн. пособие. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003. – 59 с.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. – 990 с.
- Тарасов Е.Ф. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. – М., 1994. – С. 107.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. – 285 с.
- Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. – С. 681.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-минасова. – М.: Слово (Slovo), 2000. – 624 с. – ISBN 5-85050-240-8.
- Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула, 2000.
- Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв-я АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1982. - № 5 – С. 397-408.
- Толстой Н.И. Этнолингвистика в кру Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. – С. 28 – 29.гу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. – С. 312.
- Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М.: 1995. – С. 23 – 31.
- Hoijer Harry. The Sapir-Whorf Hypothesis. - Language in Culture. Conference of the Internations of Language and Other Aspects of Culture. Ed. By H. Hoijer. The University of Chicago Press, London, 1971. - 286 p.